Альфа-волк

Ночью Цзо Цанлан все еще должна была присматривать за парочкой. Лэн Фэйянь пока не собиралась уходить.

Ян Ляньтин слегка подтолкнул ее ногой: «Эй, как долго ты собираешься оставаться здесь, на моем месте?» Лэн Фэйянь нетерпеливо оттолкнула его ногу: «Перестань болтать, я остаюсь здесь, чтобы залечить раны; считай это честью для тебя. Ты не только неблагодарный, но и у тебя ещё и хватает наглости издавать раздражающие звуки!»

«…» Ян Ляньтин лишился дара речи. «Но, я ведь мужчина, а ты женщина, и мы лежим на одной кровати, это же нехорошо, верно?»

У Лэн Фэйянь оставалось беззаботное выражение: «Расслабься, я не посягну на твою невинность». Ян Ляньтин не хотел ей больше ничего говорить. И тут Лэн Фэйянь внезапно сказала: «Я вижу, ты не так уж и плох, но все ещё следуешь за Цзо Цанлан, за этой закрытой тыквой, какое у тебя будущее с ней? Как насчет того, чтобы последовать за мной?» ее ногти скользнули по лицу Ян Ляньтина, пока её лицо было искажено от злых провокаций. Ян Ляньтин был так зол, что волосы на его голове встали дыбом: «Лэн Фэйянь!!»

Лэн Фэйянь рассмеялась, и потом свернулась клубочком, так, что раны на ее теле раскрылись, закровоточили, и она прикрыла раны, все ещё смеясь. Ян Ляньтин же родился в семье врачевателей, и был врачом по призванию, поэтому сразу же протянул руку, чтобы зажать ее рану, а затем, упорно продолжал, меняя лекарства в её повязках.

Цзо Цанлан села у края кровати, предоставив им право возиться дальше.

В комнате послышался звук падающих бобов, это на улице пошел дождь, и капли дождя, ударяя по старому карнизу, звучали, как падающие шарики нефрита.

В самый ранний час ночи Цзо Цанлан внезапно встала, услышав звук трения ткани снаружи, посреди дождя, в это время дня она не могла не насторожиться. Лэн Фэйянь тоже встала, и Ян Ляньтин немного занервничал: «Кто это может быть?»

Цзо Цанлан надела рубашку, а Лэн Фэйянь, сжав в руке свой короткий меч, спряталась за дверью, медленно открывая дверь рукой. Цзо Цанлан стояла напротив двери в дальнем углу с натянутым луком. Человек снаружи толкнул дверь, чтобы открыть, все трое в комнате замерли, и через некоторое время Цзо Цанлан легонько сказал: «Господин?»

К ним пришел сам Мужун Янь!

Среди ночи он, как обычно, был одет в черную мантию с золотым узором, и оставался безмолвным, пока на его лице читалось только несравненное благородство. Лэн Фэйянь и двое

других подошли и выразили свое почтение, но он просто отмахнулся от них, сообщив, что им не нужно уделять чрезмерное внимание приличиям, в то время как служитель принес внутрь стол, поставив на него блюда, чей аромат тут же заполнил маленькую спальню.

Трое невольно проглотили слюну. Мужун Янь тут же легкомысленно сказал: «Дни сейчас холодные, и у всех вас раны, поэтому я пришел посмотреть, как вы».

Троица еще раз поблагодарила его за милость, и Мужун Янь продолжил: «Не нужно кланяться, подойдите и сядьте».

Лэн Фэйянь подождала, пока ей подадут сигнал, прежде чем села за стол; Цзо Цанлан села справа от Мужун Яня. Дежурный налил вина, и Мужун Янь сказал: «Здесь ситуация чрезвычайно тяжелая и трудная, но со времен античности те, кто многого добился, все имели тяжелое детство. Я собрал вас всех здесь отовсюду, но не могу по-настоящему спасти чью-то жизнь. Я могу только продлить время, которое у вас есть, и позволить вам всем получить возможность и способность выбирать свою собственную судьбу. Вот и все».

Цзо Цанлан и двое других посмотрели друг на друга, а Мужун Янь продолжил с улыбкой, сказав: «Вы все неплохие, давайте же, выпейте чашку».

Все трое выпили с ним по чаше вина, и Мужун Янь жестом показал им съесть несколько блюд. Цзо Цанлан сидела рядом с ним, и ей вскоре показалось, что ее руки и ноги были горячими. Мужун Янь внезапно переместил лицо к ее уху, легонько прошептав: «Я сделал для тебя несколько комплектов одежды, но не знаю, подходит ли она; ты сможешь примерить её завтра».

Цзо Цанлан была так поражена, что даже забыла поблагодарить за подарок. Мужун Янь улыбнулся: «Нет нужды благодарить, я всегда очень добр к своим людям».

Взгляд Лэн Фэйяня метался между ними, и хотя голос Мужун Яня был легким, но на таком близком расстоянии его услышали все. Но сейчас она была слишком напугана, чтобы что-то сказать, и могла только уткнуться головой в еду.

Мужун Янь сидел прямо, и к каким бы блюдам они не прикасались, он ничего не трогал, лишь изредка пил с ними немного вина. Погода в начале весны была все еще очень холодной, и в общежитии не хватало растопки, поэтому немного вина, чтобы согреть тело, было лучшим выходом.

Выпив три порции вина, он встал и сказал: «Я ухожу, вы все не так плохи, но все еще не дотягиваете от Мэйю, так что продолжайте трудиться».

Трое, естественно, поклонились, провожая его, но Мужун Янь улыбнулся, повернувшись к Цзо Цанлан, и сказал: «Твой хозяин уходит, и все же ты его не провожаешь? Эта раба такая своевольная, да?».

Лицо Цзо Цанлан стало темно-красным, она быстро встала провожать его к воротам; на улице еще не прекратился дождь, и ветер дул волнами холода. Какой-то служащий вышел вперед и накинул накидку на Мужун Яня. Цзо Цанлан встала у двери и объявила: «Прощайте, господин».

Мужун Янь кивнул головой, спрашивая: «Как тебя зовут?» Цзо Цанлан опустила голову, ветер и дождь были холодными, но ей было тепло и даже жарко: «Я ... Меня зовут Цзо Цанлан».

«Цзо Цанлан...» имя, когда оно было повторено им, прозвучало очень привлекательно, как самое заманчивое пение в мире. Цзо Цанлан слышала биение собственного сердца, стучащего за грудной клеткой, как будто оно могло выскочить уже в следующий момент. Ей казалось, что она оказалась отделена от шума мира, слыша только, как он легонько сказал: «Звучит знакомо, как будто я где-то слышал это имя».

Она открыла рот, но ничего не сказала. Мужун Янь положил правую руку ей на плечо, легко сказав: «Мне нравятся полезные люди, поэтому усердно работай, чтобы стать таким человеком».

Тепло его ладони, казалось, прошло от ее плеча, распространяясь по ее нервам, непрерывно согревая. Цзо Цанлан выглядел так, как будто все ее лицо застыло, забыв все впечатления от того, что она сказала.

После того, как она вернулась в общежитие, и закрыла за собой дверь, мир, казалось, утратил свой маленький кусочек света и вернулся в темноту.

Мужун Янь шел впереди, в то время как его управляющий Ван Юньчжао держал для него зонтик, который полностью промок от дождя. Мужун Янь достал шелковый носовой платок, вытирая руку, которую он только что положил на плечо Цзо Цанлан. Ван Юньчжао тихо спросил: «Второй Принц, это всего лишь дети, почему вы пришли посмотреть на них в это время суток? В этот дождливый день, дорога и темная, и скользкая, лучше не делать этого, так и заболеть ...»

Мужун Янь же сказал: «Ван Юньчжао, она мне нравится. У нее аура альфа-волка». Ван Юньчжао был поражен: «Тогда почему бы Вашему Высочеству напрямую не пойти к Фэн Пину и не велеть проявить немного больше заботы к ней, таким образом избавив себя от...»

Мужун Янь улыбнулся: «Как те, кто умирают на пути соревнований, могут быть альфа-волками?»

В общежитии Цзо Цанлан закрыла за собой дверь. Лэн Фэйянь и Ян Ляньтин уставились на нее. Все лицо Цзо Цанлан было красным, как свекла, и, увидев взгляды этих двоих, она сразу сказала: «Ни о чем не спрашивайте».

Лэн Фэйянь крепко схватила ее, внимательно изучив ее лицо и пришла к какому-то выводы, так

,что на ее лице теперь читалось презрение, и она сказала: «Неудивительно, что он согласился вылечить Ян Ляньтина; оказывается, вы двое ... уже ...»

Цзо Цанлан сразу же неестественно вскрикнула: «Лэн Фэйянь, ты бесстыжая!!»

На следующий день охранники действительно прислали несколько комплектов одежды, и, увидев их, Лэн Фейянь забрала себе два комплекта. Эта девушка, если ты не был знаком с ней, была одновременно холодной и надменной, но с близкими она становилась поистине бесстыжей.

Цзо Цанлан решила не спорить по этому поводу, и все трое, пройдя через это испытание, в своей повседневной жизни стали проводить большую часть своего времени вместе. Иногда они спали в одном и том же общежитии, что тоже не было чем-то новым, и полувзрослые дети постепенно понимали некоторые вещи... Некоторые люди распространяли непристойные сплетни об отношениях между этими тремя, но им было все равно. Не было похоже, что рядом был кто-то, кто осмелился бы сказать это дерьмо им в лицо.

Поскольку Ян Ляньтин был спасен Мужун Янем, мастера не могли не приглядывать за ним. Обычно, если он хотел войти или выйти из учебной комнаты, ему это было чрезвычайно легко сделать, и среди всей троицы только он приходил туда каждый день, читая там книги, почти каждую книгу там.

Обычно, когда ничего не происходило, он часто собирал лекарственные травы, и все в сиротском лагере постепенно привыкали искать его, если у кого болела голова или поднималась температура. И этот мастер Ян действительно был потомком знатного дома, так как, хотя был ещё мал, ни один из диагностированных им случаев не был диагностирован неправильно.

Каждый месяц Мужун Янь приходил два или три раза, и каждый раз, когда он приходил, вся молодежь прилагала дополнительные усилия, демонстрируя свое мастерство. Все знали, что этот человек может определить их судьбу.

Цзо Цанлан привыкла заниматься стрельбой из лука, и возможно, потому, что раньше жила в горах, ее стрельба была чрезвычайно точной. Две ее руки были даже мускулистее, чем у обычных молодых людей, и когда она повзрослела, ни один из луков ей не подходил. Но когда однажды Мужун Янь оказался перед ней, ее выстрелы, которые всегда попадали в яблочко сто раз из ста, не встречались с целью. Цзо Цанлан прикусила губу, ее руки обливались потом.

Она боялась оглянуться и даже не хотела думать, какое выражение было у мужчины позади нее. Когда она снова натянула лук, ее тело немного задрожало. Внезапно обе ее руки смягчились, и она была поражена, обнаружив, что пара мягких рук была позади нее, помогая ей тянуть, поддерживая ее руки. Мужун Янь помог ей снова прицелиться в яблочко, легко сказав: «Не нервничай, когда твое сердце стабильно, и твои стрелы будут стабильны».

Этот голос был так близко, что она почти чувствовала его дыхание, он был прямо у ее уха,

голос кружился вокруг нее, долго не рассеиваясь. В сознании Цзо Цанлан звучало гудение, как если бы взрывались бесчисленные фейерверки. Мужун Янь продолжил: «Попробуй еще раз».

Цзо Цанлан слегка поджала губы, решительно успокаиваясь, и снова выпустила стрелу, попав в яблочко. Мужун Янь стоял позади нее, и каждая выпущенная ею стрела несла неиссякаемую силу. Он слегка кивнул и повернулся, чтобы уйти.

Вскоре к Цанлан подбежала Лэн Фэйянь и сказала: «Пойдем, поедим». Цзо Цанлан собрала стрелы, а Ян Ляньтин ждал. Глядя на Цанлан, он спросил: «Что сказал тебе господин, будучи так близко».

Цзо Цанлан продолжала идти вперед, совершенно не слыша вопроса. Ян Ляньтин взглянул на Лэн Фэйянь, и та вздохнула, сказав: «Не беспокойтесь о ней. Господин может сказать ей одну фразу, и она будет вспоминать об этом целый год!»

В этот момент Цзо Цанлан, наконец, пришла в себя, и улыбнулась.

Если сейчас она могла вспоминать его слова целый год, то, что будет дальше?

Молодежь медленно подрастала, и их старая одежда медленно становилась им мала. Каждый год Мужун Янь шил для них новую одежду. Но еды, которая здесь была, всегда было ровно впритык. Поэтому каждый год загадочным образом исчезало много людей. Голод – был кошмаром для каждого, и даже трава или зеленые листья могли использоваться в качестве пищевых добавок.

В один прекрасный день ранним утром Мужун Янь пришел в детский лагерь, собрал вместе «мастеров» и сказал: «Среди них много неплохих ребят, но мне нужен самый быстрый клинок. Поэтому я хочу только одного из них».

Несколько мастеров были поражены, и кто-то легкомысленно сказал: «Но, Ваше Высочество, среди них Лэн Фэйянь можно считать сильнейшей в боевых искусствах. Цзо Цанлан … вероятно, к сожалению …» в эти дни он особым образом обходился с Цзо Цанлан, и каждый мог это сказать. Мужун Янь спросил, недолго думая: «И что?»

Мастера больше ничего не сказали.

http://tl.rulate.ru/book/21153/947621